

УДК 811.511.132

DOI: 10.17223/22274200/21/4

Г.В. Федюнева

НОВООТКРЫТЫЙ РУКОПИСНЫЙ СЛОВАРЬ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИИ КОМИ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Описывается структура и лексический состав недавно открытого памятника зырянского языка II половины XVII в. и выясняется его место в истории коми лексикографии. Особенности словаря рассматриваются в сравнении с более поздними словарными материалами 20–70-х гг. XVIII в. Поднимаются вопросы классификации исторических словарей коми языка, систематизации подходов к их описанию, выявляются лакуны в исследованиях, не проводившихся с середины прошлого века.

Ключевые слова: историческая лексикография, памятники письменности, рукописный словарь-разговорник, коми-зырянский язык, лексика

Введение

Зырянско-русский словарь находится в составе рукописного сборника, который, благодаря авторской надписи «Сия книга рекома Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219), определенно датируется 1668 г. и атрибутируется древнерусскому книжнику Прохору Коломнятину. Рукопись была обнаружена в фондах Государственного исторического музея (Музейское собрание, № 2803) и предварительно описана с точки зрения имеющихся в ней текстов и их атрибуции исследователем древнерусских рукописей Н.В. Савельевой.

Сборник содержит подборки нравоучительных статей, извлеченных из разных печатных и рукописных источников, посвященных описанию правил благочестивой монастырской жизни, восхвалению добродетелей, иноческого подвижничества, осуждению пороков и т.д. В отличие от подобного рода компилятивных монастырских сборни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 «Памятники русской лексикографии в сборнике инок Прохора Коломнятина 1668 г.: исследование и подготовка текстов к публикации».

ков XV–XVII вв. в «Цветник» включены оригинальные лексические материалы, организованные по словарному принципу, а также русско-национальные словари-разговорники карельского, коми-зырянского и крымско-татарского языков [1, 2].

Новооткрытый лексикон является важным событием в истории изучения коми языка, формирования его письменной традиции. Он относится к группе памятников светского содержания, является самым ранним из них и существенно дополняет известные на данный момент словарные собрания, немногочисленные и фрагментарные.

Надо сказать, что коми язык имеет долгую письменную историю, началом которой считается создание оригинального коми алфавита (*анбура*) миссионером и первым пермским епископом Стефаном Храпом (около 1340–1396 гг.). Известные к настоящему времени памятники традиционно делятся на памятники древнепермского, или древнекоми языка 1-й половины XIV – 2-й половины XVII в. и памятники коми-зырянского языка XVII–XVIII вв.

По содержанию их можно разделить на светские и церковные, что не противоречит собственно языковой и хронологической классификации. К памятникам церковного содержания относятся все памятники первой группы и их более поздние списки (так называемые коми-зырянские переделки XVIII в.), к светским – словарные материалы коми-зырянского языка XVIII в.

Памятники коми письменности, так или иначе связанные с древнепермской азбукой Стефана Пермского и переводами церковных текстов, в большинстве своем опубликованы и изучены [3–6], чего нельзя сказать о лексикографических памятниках коми-зырянского языка. Их изучение связано исключительно с диссертационной работой З.И. Кузнецовой, в которой вместе с церковными памятниками XVIII в. дан краткий обзор словарных материалов, выявленных из разных архивных и музейных собраний [4. С. 19–42].

Из истории коми лексикографии

Началом лексикографической истории коми языка традиционно считается XVII в. [4. С. 17; 7. С. 227; 8. С. 174 и др.], поскольку к этому периоду относятся два памятника, содержащих коми лексику. Это Церковный устав 1608 года, в котором наряду с римским, египетским, еврейским и эллинским языками приведены названия месяцев на рус-

ском и пермском языках¹, и молитва «Отче наш» на коми языке, опубликованная в книге Николаса Витсена по материалам его поездки в Московию в 1664–1665 гг. [10. С. 811–812]. Однако вряд ли эти памятники могут рассматриваться в лексикографическом аспекте. Коми названия месяцев, как и молитва, сохраняют преемственную связь с памятниками древнепермского языка XIV–XVII вв. и по своему содержанию должны быть отнесены к церковным памятникам (о памятниках см. [11. С. 22–23; 12; 13. С. 17; 14]).

Все известные к настоящему времени словари и словарные материалы по коми языку относятся к 20–70 гг. XVIII в. и связаны с именами ученых, прежде всего, иностранных – членов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, а также шведского военнопленного Ф.И. Страленберга и русского академика И.И. Лепехина – участников так называемых академических экспедиций.

Их деятельность иногда рассматривается как один из этапов становления коми письменной традиции, хотя они были лишь внешними фиксаторами; материалы лингвистических отчетов, как правило, не предназначались для публикации или коммуникативного использования.

В основном это небольшие списки слов и выражений, собранные в полевых условиях из разных источников, часто в общем контексте с материалами других языков. Входным словом обычно выступает русское или немецкое слово, соответственно, коми слово передается в русской или латинской графике. Как правило, эти записи не паспортизированы, объединяют слова разных диалектов, содержат много искажений и плохо поддаются языковой атрибуции. По мнению В.И. Лыткина, для исторической фонетики и грамматики они не представляют большого интереса, так как звуки в них переданы весьма неточно [15. С. 52].

Тем не менее они важны для исторической лексикологии и лексикографии и должны быть подвергнуты более серьезному историко-лингвистическому обследованию, включая полный археографический и текстологический анализ, лингвистическую и культурно-историческую интерпретацию, а также более обстоятельное освещение в научной литературе².

¹ РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 449. Имеется также отдельный список, опубликованный в Вологодских губернских ведомостях за подписью П. К-ва [9].

² На сегодня более полно описан язык коми словарных материалов Г.Ф. Миллера [16].

Особняком стоит русско-коми словарь-разговорник, опубликованный¹ в III томе «Дневных записок...» И.И. Лепехина [17. С. 250–259]. Он приведен вместе с названиями букв стефановской азбуки и переводом божественной литургии (так называемый лепехинский список), которые Лепехин нашел во время своей экспедиции по Коми краю летом 1771 г. «у некоторых любопытных людей» в с. Подкиберское.

В отличие от других словарных материалов XVIII в., а также черновых экспедиционных бумаг самого Лепехина [7. С. 233–236], этот словарь получил достаточно хорошее освещение. В.И. Лыткин перепечатал и использовал его как подсобный материал при чтении древнепермских текстов в своей работе, которая остается если не единственной, то самой значимой и цитируемой в области пермской палеографии [3. С. 148–161]. В ней Лыткин считает, что материал словаря был записан самим И.И. Лепехиным с помощью переводчика и, исходя из этого, комментирует текст словаря, приписывая графико-орфографические особенности и неточности перевода Лепехину [3. С. 160–161. Пп. 9–11, 22, 23, 27, 30, 31].

Позже он меняет свое мнение. По-видимому, это связано с тем, что в собрании В.М. Ундольского З.И. Кузнецовой был обнаружен такой же словарь, датированный 1798 г., который она интерпретирует как отдельный список, хотя «он почти тождествен с вышеупомянутым лепехинским словариком» [7. С. 236]. В последующих работах, посвященных истории коми литературного языка, В.И. Лыткин, ссылаясь на работы Кузнецовой, уже говорит о двух списках словаря, которые могут восходить к общему источнику, хотя сделаны разными переписчиками и, возможно, в разное время. Он также присоединяется к ее мнению, что подобного рода рукописные словарики и разговорники имели широкое хождение в XVIII в. [4. С. 37; 7. С. 237; 13. С. 20; 18. С. 305].

Между тем словарь Ундольского, как и другие лексикографические памятники XVIII в., в диссертации З.И. Кузнецовой, посвященной в основном языку поздних рукописных списков «Божественной литургии», получил лишь самое предварительное описание. Он не был опубликован, рассмотрен в сравнении со словарем Лепехина: отмечены только редкие пропуски слов и расхождения в их написании, большинство из которых, на наш взгляд, может быть результатом описки переписчика.

¹ Оригинал считается утраченным.

Сегодня материалы по коми языку из фонда В. Ундольского находятся в свободном доступе. Кроме божественной литургии на коми-зырянском и «Службы за упокой» на древнепермском языках они включают 1) рукописный коми-зырянский словарь под названием «Словарь зырянской краткій», л. 34–39 об.; 2) коми-пермяцкий словарь (50 слов в 2 столбца с переводом на русский), л. 39 об. (конец) – 40; 3) Числительные 1–19, 20–90, 100–900, 1000–5000, 10000, 50000 и 100000, л. 40 об. [19].

Все словарные материалы написаны одним почерком, следуют непосредственно друг за другом, в самом конце сразу после числительного 100 000¹ сбоку подпись В. Ундольского. Перечень числительных тот же, что у Лепехина, а список коми-пермяцких слов идентичен со словами, записанными Лепехиным в коми-пермяцкой деревне Селища «от старика, седиными украшенного» [17. С. 196–197]. Это наводит на мысль о том, что словарь Ундольского, датированный 1798 г., возможно, не является «отдельным списком», а переписан со словаря Лепехина, опубликованного в 1780 г.

Так или иначе очевидно, что эти словарные материалы нуждаются в дополнительных исследованиях как в отношении археографии и текстологии, так и их происхождения и открытия.

Русско-коми словарь Лепехина, который он представляет как «собранныя слова», приписываемые к публикуемой обедне «тѣмъ наипаче, что они цѣлыя содержать рѣчи, из чего о свойствѣ ихъ (зырян – Г.Ф.) языка удобнѣе понимать можно, нежели изъ простаго словъ собранія» [17. С. 250], в контексте данной статьи представляет интерес также с точки зрения его структуры и лексического состава.

В основе разговорника, по-видимому, лежит русский словник, который был переведен с помощью информанта и записан человеком, не знавшим коми языка. Во многих случаях коми текст не соответствует русскому, иногда вовсе не понятен без него, имеется много ошибок в написании слов, например на с. 253²:

(1) *говори што то въ бочкахъ – вузторъ токо бочкаясынъ*, букв. товар (немного) только в бочках;

(2) *и ты пошли цѣловальника, подъячева – итѣ исты акалыснѣ дагизызесъ*; по реконструкции Лыткина: и тѣ ысты окалыс'эс да

¹ Ошибка в переводе, видимо, при переписке: сюрсь «тысяча» вместо сѣ сюрс «сто тысяч».

² Здесь и далее примеры приводятся из публикации И.И. Лепехина [17].

гигжыс'эс [3. С. 157. П. 90], букв. ты пошли целующего (!) и пишу-щего (!);

(3) *подъячева даль – аги жомысь*; Лыткин, комментируя этот абзац, пишет, что русский перевод Лепехина не соответствует коми тексту, который обозначает «а написанное» [3. С. 160. П. 11], хотя, скорее, следует предположить, что, как и в предыдущем абзаце, информант попытался перевести слово *подъячий* словом *гигжысь* «пишущий» и др.

По структуре и адресной направленности словарь напоминает иноязычно-русские и русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв., которые составлялись с практическими целями и ориентировались на живую разговорно-обиходную речь административных и торговых центров. Такие пособия содержали списки слов с толкованием их значений и образцы диалогов бытового или делового содержания, лексику торговых сделок, сопутствующих купле-продаже ситуаций и т.д. [20. С. 90–91; 21. С. 99; 22 и др.].

Лепехинский словарь-разговорник содержит около 200 слов разных лексико-семантических разрядов и 100 коротких выражений. Слова не выделены в тематические группы, хотя тенденция к тематическому изложению материала наблюдается.

В начале приведено больше двух десятков слов и выражений церковного обихода вроде: *Богъ духъ святой – Ень вежай ловъ*, букв. Бог святой дух; *Сынъ божій – Пи Енлонъ*, букв. сын бога; *Крещения день – вавежеданъ лунъ*, букв. воду освящающий день; *День пасхи – ижидъ лун*, букв. большой день и т.д. [17. С. 250–251]. Сразу после этого, без дополнительного оглавления, дана лексика – около сорока слов и выражений, связанная с человеком: части тела, рост, возрастные характеристики и т.д. [17. С. 251–252]. Затем – двадцать пять фраз, связанных с торговлей вроде: *пошто ты сюда приѣхал и с какимъ товаромъ?*; *на которой улицъ ты стоишь?*; *ты просишь даромъ*; *въ суконномъ ряду*; *мясной рядъ*; *говори правду* и т.д. [17. С. 253–254]. После этого материал тематически не структурирован. Небольшие группы семантически близких слов разбросаны в разных частях словаря следующим образом: названия диких животных и термины охоты [17. С. 254, 257]; домашних животных и их товарные характеристики [17. С. 26, 255]; предметов одежды [17. С. 255]; металлов [17. С. 255, 256]; предметов домашней утвари [17. С. 256–259]; диких и домашних птиц [17. С. 256]; построек и их частей [17. С. 257,

259]; культурных растений [17. С. 259]; природных явлений, времен года [17. С. 259]; церковных понятий [17. С. 259].

Слова и короткие словосочетания даны вперемешку с высказываниями, иногда связанными с той иной тематической группой. Довольно большое место отведено общим вопросам и репликам из диалогов вроде: *надень сапоги да поди, а отца твоего какъ зовутъ? какъ далеко? и я ему сказаь* и т.д. [17. С. 255–256, 258]. Многие выражения, по замечанию В.И. Лыткина [13. С. 21], хорошо характеризуют социально-бытовые явления того времени, например, *поди заранья прочь доколь ты не битъ; естли у тебя отпускная? ежесли есть то съ нею поди къ боярину* и т.д. [17. С. 257, 259].

Как и все имеющиеся на настоящее время памятники письменности (кроме словарных материалов академических экспедиций, собранных из разных источников), словарь отражает лексику нижневыходского диалекта с некоторыми вкраплениями из соседних вымского, удорского и ижемского диалектов. В нем представлена общепотребительная разговорно-бытовая лексика, в целом характерная и для современного языка. Имеется также 28 русских заимствований: Кристось, ангиль, верба, Троица [17. С. 250]; здвиженья, пречистая, оспожа, пропркьяс, баярь [17. С. 251]; бочкоясьын ‘в бочках’ [17. С. 253]; грехьясь ‘грехи’ [17. С. 254]; сапогъ, подошва, шляпа [17. С. 255]; пудь, люсьва ‘ложка’ [17. С. 256]; звѣрь, звѣр, пищалень ‘с пищалью’, пачь ‘печь’, лавычъ ‘лавка’, дранецьясь ‘драница’, заругъ ‘тын’ [17. С. 257]; паличъ ‘палица’, милуй то ‘милует’ [17. С. 258]; молотторъ ‘молоток’, вовтаръ ‘алтарь’, трапезда ‘трапеза’, кумъ ‘клеть’ [17. С. 259].

Вместе с тем словарь содержит лексику, по утверждению З.И. Кузнецовой, уже утраченную коми-зырянским языком к XVIII в. в связи с окончательным переводом богослужения в конце XVII в. на церковнославянский язык [4. С. 197]. Это следующие слова: Богородица – Енмось вердысь [17. С. 251], ср. удм. *вордскыны* ‘родиться’, коми диал. иж. *вердны* ‘рожать, родить’, иж. вым. *верчысь* ‘роженца’, вым. *вердѡмѡ* ‘родной, родная’ [3. С. 160. П. 1; 23. С. 44, 45], совр. *вердысь* ‘кормящий, кормящая’; смерть – сурымъ [17. С. 252], слово полностью утрачено, имеется в других финно-угорских языках [3. С. 160. П. 8]; улица – пурьсь [17. С. 253]; слово отсутствует, ср. диал. ‘огороженный с двух сторон участок, проезд’ [23. С. 234]; двери – оись [17. С. 254], совр. *ѡдзѡс* ‘дверь’, диал. уд. *оис* ‘открытый’ [3.

С. 160. П. 12]; Въ Москвѣ – Канкарыд [17. С. 256], в современном языке отсутствует; ср. *кан* ‘царь’, *каналѡм* ‘царствование’, *кан пи* ‘царевич’, сохранившиеся в списках обедни XVIII в. [4. С. 194]; в слове «солоница» – солалѣ той [17. С. 257] сохранилось древнее слово *той* ‘береста’ [24. С. 280] и др.

По некоторым графико-орфографическим признакам и базовому диалекту памятник сближается с младшими тестами древнепермской обедни. По этому поводу Лыткин высказал предположение, что самый ранний список разговорника, как и списки литургии 2-й половины XVII в., мог быть оформлен стефановской азбукой. На это указывает смешение букв, допущенное при его переписке кириллицей и объясняемое близостью начертаний этих букв в *анбуре* [13. С. 20–21]. Тем не менее, разговорник датируется временем его обнаружения И.И. Лепёхиным, лексика и фонетические особенности, в частности, появление чередования *л ~ в*, однозначно свидетельствуют о его принадлежности XVIII в.

Структура и лексические особенности словаря Прохора Коломнятина

Зырянский лексикон, названный автором сборника «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго»¹, небольшой по объему (л. 185 об.–188 об.), расположен непосредственно за карело-русским словарем (л. 177–185 об.). Рукопись написана крупным полууставом с использованием графических приемов кириллического письма XVII в.

В отличие от словаря Лепехина, который организован в два столбца – «по Руски» и «по Зырянски» [17. С. 250], лексический материал дан сплошным текстом, выделяются только заглавие, первые буквы коми слов и обведенная буква «т» («толкование») перед русскими переводами, выписанные киноварью. По языковым особенностям памятник сближается с современными вымскими говорами, что кардинально отличает его от всех других памятников коми языка, в основе которых лежит нижневычегодский диалект.

Письмо достаточно четкое, почти без помарок, последовательно проставлены диакритические знаки придыхания и ударения, использованы сокращения слов и выносные буквы.

¹ Что значит «сирѣчь сирскаго», пока остается не ясным.

В некоторых коми словах встречаются описки и пропуски букв, например, (л. 186) Комы ѳтикуръ, совр. *комын ѳти* (к) ур ‘тридцать одна копейка’; Дасъ кватѹръ, совр. *дас квайт* ур ‘шестнадцать копеек’; Ветѹ мун какъ’аѹсѹр, совр. *ветымын кѳкъямыс* ур ‘пятьдесят восемь копеек’; (л. 187) Дасъ ѳтикъшакъ, совр. *дас ѳти* (к) *шайт* ‘одиннадцать рублей’; Сюркъ шать, совр. *сюрс шайт* ‘тысяча рублей’; Дасъ суръ, совр. *дас сюрс* ‘десять тысяч’; (л. 187 об.) Секакъ’амы сѹрсъ, совр. *сѣ кѳкъямыс сюрс* ‘сто восемь тысяч’; Вѹнъ, совр. *вудж*, *вуж* ‘лук’; Пѹх, совр. *пыш* ‘конопля’; Пѹронъ совр. *пирѳг* ‘пирог’; (л. 188) Лѳкъмеканъ, совр. *лок мекѳд* ‘иди со мной’. Имеется также несколько неточных переводов.

Между счетными единицами Комы́нуръ, совр. *комын ур* ‘тридцать копеек’ – (т) 10’алтынъ, и Комы’ѳтикуръ, совр. *комын ѳти ур* ‘тридцать одна копейка’ – (т) 11 а(л)/(186 л.), ошибочно вписано название главы: <Г>лава 1 ѳ небесномъ, которое должно находиться на (л. 178) карельского словаря, но там отсутствует. После этой вставки крупный устав примерно полстраницы выглядит более мелким и не таким четким. В самом начале (л. 188) также есть отрывок другого текста: «...ное знаменіе буде луна ѡвится ѡ сокре <стом>...», написанный той же рукой.

Большую часть рукописи занимает денежный счет, подробно расписанный от «денги» до «тысячи рублей» (л. 185 об. – 187 об.). За ним без дополнительной рубрикации приведен список разговорно-бытовой лексики, заканчивающийся переводом молитвы «Трисвятое» (л. 187 об.–188 об.).

В денежном счете использованы все – простые, сложные и составные – количественные числительные от единицы до тысячи, которые полностью соответствуют числительным современного коми языка. Мезуративными единицами, как и в современном языке, выступают коми слова ур ‘копейка’ и шайт ‘рубль’, а также русское заимствование *деньга*, *денга*. С одной стороны, приведенная система напоминает древнекоми денежный счет [25], с другой – близка к современной.

Значения чисел даны в кириллической цифровой системе с использованием «титло» над буквой и сокращением названий денежных единиц *денга* – (д), *алтын* – а(л), *рубль* – ру(б), например, (л. 185 об.) Дасъ денга – (т) I (д); Дас окъ // (л. 186) мѣсуръ – (т) и’ а(л); (л. 187) Сѣ шать – (т) пѣ ру(б) и т.д. Только числа первого десятка переведены русскими числительными, например, (л. 185 об.) Кѣкъ дѣнга – (т) двѣ де(нг)и; Кѣймъ

денга – (т) тры денги; Вить дѣнга – (т) пл(т) денегъ; Какъямьсь денга – (т) два гроша; (л. 186 об.) Кызурь – (т) двѣ гривны.

В некоторых случаях мезуративные слова также даны полностью, без сокращений, например, (л. 185 об.): По(л)дѣнги – (т) денга; Нѣль денга – (т) грошь; Квѣть денга – (т) ѡлтнѣ; (л. 186 об.) Дасурь – (т) гривна. Неламынурь – (т) по(л)тина. Нѣль шать – (т) дѣ рубли; (л. 187 об.) Се сюрсь – (т) ѡ тѣсащей рублевѣ.

Система счисления изложена достаточно логично, хотя содержит ряд непоследовательностей, например повторы числительных с разным толкованием, ср. (л. 185) Дасъ сизимурь – (т) 6 а(л) и (л. 186) Дасъ сизимурь – (т) 17 а(л), совр. *дас сизим ур* ‘семнадцать копеек’; (л. 187) Се сюрсь – (т) 100 000 ру(б) и (л. 187 об.) Се сюрсь – (т) 1 000 тѣсащей рублевѣ, совр. *сѣ сюрс* ‘сто тысяч’. Имеются несоответствия в переводе, напр., Неламынурь – (т) по(л)тина (л. 186 об.), совр. *нелямын ур* ‘сорок копеек’. После значения 100 000 в счислении наблюдается сбой, например, (л. 187 об.): Куи(м) се сюрсь – (т) 200 000 ру(б), совр. *коми куймсѣ сюрс* ‘триста тысяч’; Нѣльла се сюрсь – (т) 300 000 ру(б), совр. *нѣльсѣ сюрс* ‘четыреста тысяч’ и т.д. В некоторых сложных и составных числительных нарушен порядок следования компонентов, например, (л. 187 об.) Сесизимь – (т) 600 000 ру(б), где использовано числительное *сѣ сизим* ‘сто семь’ вместо *сизимсѣ* ‘семьсот’ и др.

Непосредственно за денежным счетом следует список обиходно-бытовой лексики – около 100 слов и словоформ с «толкованием» их значений на русский язык. В отличие от других словарей «Цветника», тематически структурированных [1. С. 58–60], он не имеет разделов или каких-либо специальных помет, а также не содержит типовых фраз, реплик из диалогов и связных текстов, характерных для разговорников, в том числе для словаря-разговорника Лепехина. Можно наблюдать лишь некую тенденцию к тематическому изложению материала, впрочем, далеко не последовательную. В общем виде можно выделить следующие лексико-семантические группы слов:

(1) термины родства и гендерной идентичности, например, (л. 187 об.) ѡа – (т) ѡтѣць, Вѡкъ – (т) братъ, Чѡжинь – (т) тѣтка, Чѡй – (т) сестра, Котырь – (т) жена, Ны – (т) дѣвка;

(2) названия домашних животных, например, (л. 187 об.) Мѡсь – (т) корѡва; (л. 188) Ижъ – (т) ѡвца, Кукань – (т) телѡ, Пѡнь – (т) пѣсь, Кáнь – (т) кѡшка;

(3) названия диких животных: (л. 187 об.) Вурдь – (т) вы(д)ра, Ёрь – (т) бѣлка; (л. 188) Рѹць – (т) лисица, Нѣзь бѣжь – (т) собѣльи хвостѣ, (л. 188 об.) Мѡй – (т) бѣбрь, Мѡй – (т) бѣбрь. Лѣчакъ – (т) росаамѣха. Кѣнь – (т) песцы. Кѣчь – (т) за ѣць. Чѣжьморъ – (т) горностѣй;

(4) названия домашних и диких птиц: (л. 188) Кѹрокъ – (т) курица, Ёй кѹрокъ – (т) пету(х), Дѹдѹкъ – (т) гу(с), Дѣморъ – (т) тетеревъ, Бѣйдыкъ – (т) кѹропа(т), Ёусъ – (т) лѣбедь;

(5) названия культурных растений: (л. 187 об.) например, Ёдъ – (т) ячмѣнь, Шѣбѣды – (т) пшеница; Зѣрь – (т) ѡвесь, Рѹдекъзе – (т) ро(ж), Пѣхъ – (т) конопля, Ёнѣкочъ – (т) горо(х);

(6) названия хозяйственной утвари и культовых предметов: (л. 187 об.) Вѹнь – (т) лѹкъ; Нѹ – (т) стрѣлы, Сѣсь – (т) хому(т); (л. 188) Пѹртъ – (т) но(ж), Чѣрь – (т) топоръ; (188 об) Ёмъ – (т) ѣглы; Ёнъ – (т) ѡбразы; (л. 188) Пѣрна – (т) кре(с)тъ;

(7) названия пищи и кухонной посуды: (л. 187 об.) Нѣнь – (т) хлѣ(б), Чѣри – (т) рыба.; (л. 188) Шѣтъ – (т) штѣ, Рѣкъ – (т) каша, Пѣзь – (т) мѹка; (л. 188) Бѣкаръ – (т) ставецъ, Бѣлидъ – (т) блюдо, Дѣрь – (т) поварна, Кѣрьнинъ – (т) горшокъ;

(8) названия дома и его частей, например, (л. 188) Кѣрька – (т) избѣ, Кѹмъ – (т) клѣ(т), Ёшѣнь – (т) ѡкнѣ, Пѣзанъ – (т) столъ, Лѣвицы – (т) лавки;

(9) названия одежды (л. 187 об.): Пѣсь – (т) шѹба, Ёзѣ(м) – (т) кафѣ(н), (л. 188) Чѣнькичъ – (т) пѣрсте(н);

(10) названия частей тела: (л. 188) Сѣнь – (т) глаза, Кѣрымъ – (т) рѹки; Кѣкъ – (т) нѣги. Тѣшь – (т) брѣдѣ.

Кроме существительных словарь содержит шесть глаголов: (л. 188) Вѣй – (т) дѣй, Сѣтъ – (т) подай, Кѣльи – (т) проводи; Лѣкъ мѣкѣнь – (т) пойди со мною, Вѣй – (т) привези, (187 об.) Вѹзо – (т) продѣй, приведенных в форме повелительного наклонения.

Сразу после лексики дан перевод молитвы *Святый Боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас*, предваряемый словами: Позырянски Святый Боже Вѣжѣ юмо, вѣжѣ кѹтомо, вѣжа чѣрыдо, кутышты темѣлно, совр.: *Вежа Енмѣ, вежа кувѣмѣ, вежа крепидѣ кутышит тѣ мѣянѣс*.

Он полностью соответствует переводу этой молитвы в древнепермских (XV–XVII вв.) и коми-зырянских (XVIII в.) текстах, за исключением слова кутышты ‘поддержи’ (совр. *кутны* ‘держатъ’, *кутышитны* ‘поддержатъ’, ‘подержать’), приведенного на месте архаичного слова мылышты ‘помилуй’ других памятников.

В целом лексика молитвы, как и всего корпуса словаря, является общеупотребительной и относится к активному словарному фонду современного коми языка. К диалектно маркированной можно отнести слова, встречающиеся преимущественно в северо-западном диалектном ареале, более последовательно – в говорах вымско-вычегодского бассейна:

’Орсъ – (т) пле(т), ср. вым. нв. иж. уд. *орс* ‘плеть’, в других диалектах – *плеть*; Чéрива – ‘уха, ср. вым. нв. уд. вв. *черива*, в остальных *юк-ва* ‘уха’; Кúрокъ – (т) кúрица, ср. вым. нв. уд. *курöг*, в остальных диалектах *чипан* ‘курица’; Лю́ска – (т) лóш́ка, ср. уд. *люска*, повс. *пань* ‘ложка’; Бекáръ – (т) ставецъ, ср. вым.нв.вс.лл.сс. *бекар*, вым. иж. вв. печ. скр. *тасьті* ‘тарелка, столовая чашка’; Чóжинь – (т) тётка, ср. вым. скр. вв. *чожинь*, уд. *тиожинь*, сс. *чожёнъ*, лет. *тиожень* ‘тетка’, ‘жена брата матери’ и др. [23. С. 228, 274, 336, 412, 414, 451].

Слово ’Аа – (т) ’отець имеет диалектную семантику: вым. иж. уд. *ай*, *а́йе(й)* ‘отец’, повс. *ай* ‘самец’. Слово Ёнъ’ась – (т) жóнка содержит *и*-овый анлаут, характерный для вым. нв. иж. уд. диалектов, в остальных диалектах – *энька* ‘свекровь’ [23. С. 10, 447].

Кроме диалектизмов, словарь содержит следующие русские заимствования: ’Озá(м) – (т) каотá(н), Пíронъ – (т) блины́, Лю́ска – (т) лóш́ка, Былидь – (т) блóдо, Кы́рьнинъ – (т) горшо́къ, Ко́шь – (т) ко́вшъ, С’́нивоць – (т) с’́ни, Кúмъ – (т) клѣ(т), Лáвицы – (т) лавки, По(л)дéнги – (т) денга, а также два непонятных слова, не поддающихся интерпретации с точки зрения коми языка: Бура́сь – (т) другъ и Сы – (т) челомъ (л. 187 об.).

Заключение

Зырянский словарь в составе авторского сборника инокa Прохора Коломнятина на сегодня остается самым ранним лексикографическим памятником коми языка; его открытие позволяет удре́внить документированную историю коми лексикографии более чем на полвека.

В словаре представлена в основном общеупотребительная разговорно-бытовая лексика, включающая числительные, существительные и несколько глаголов. Несмотря на то что словарь был составлен свыше трехсот пятидесяти лет назад, эта лексика практически без изменений сохраняется в активном словарном фонде современного коми языка. Отдельные лексические и фонетико-морфологические диа-

лектизмы позволяют соотнести язык памятника с вымскими говорами северо-западной группы коми-зырянских диалектов.

Материал словаря отражает живой коми-зырянский язык 2-й половины XVII в. Он мог быть записан непосредственно со слов носителя (или носителей) коми языка, возможно, самим составителем сборника, учитывая его склонность к лексикографии. Словарь не имеет видимой адресной направленности, думается, он не предназначался ни для обучения, ни для коммуникативного использования, а был записан с целью фиксации чужой иноязычной речи.

Типологически словарь Коломнятина близок к лексическим материалам ученых-путешественников XVIII в., которые часто фиксировали наиболее употребительную лексику с «толкованием» на русский язык, используя ее в этнографическом описании иноязычных народностей.

От древнерусских словарей-разговорников, в том числе русско-коми словаря Лепехина-Ундольского, в основе которого, по-видимому, лежит русский словник, он отличается тем, что не содержит лексических групп и типичных для диалогов фраз, необходимых при общении; тенденция к тематическому изложению материала объясняется объективной структурой общеупотребительного словаря любого языка.

Яркой особенностью зырянского словаря Коломнятина является денежный счет, занимающий больше половины текста. В отличие от словарей и словарных материалов, записанных путешественниками, а также разговорников, которые часто сопровождаются списком наиболее употребляемых числительных, в нем приведен перечень денежных единиц с использованием коми терминов *ур* ‘копейка’, *шайт* ‘рубль’, русские соответствия которым даны в денгах, грошах, алтынах, рублях и других денежных единицах, что представляет несомненный интерес для этноисторических и палеографических исследований.

Литература

1. Савельева Н.В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. СПб., 2019. № 3. С. 54–63.
2. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб. : Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2020. Т. 67. С. 468–552.
3. Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 174 с.

4. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола ; Тарту, 1967. 272 с.
5. Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21.
6. Морозов Б.Н. Устьвымский книгописный центр. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Арг. Сыктывкар, 2013. № 3. С. 4–16.
7. Кузнецова З.И. Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 213–241.
8. Современный коми язык. Лексикология / отв. ред. А.И. Туркин. М. : Наука, 1985. 208 с.
9. Старинные русские и пермские названия месяцев // Вологодские губернские ведомости. 1855. № 50. Неофициальная часть. С. 411–414.
10. Vitsen N. Noord end Oost Tatarije. Vol. II. Amsterdam, 1705. 358 с.
11. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык: Пособие при изучении зырянами русского языка. Санкт-Петербург, 1889. 436 с.
12. Сидоров А.С., Лыткин В.И. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. Таллин, 1966. № 2. С. 123–129.
13. Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар, 1980. С. 10–21.
14. Туркин А.И. Об одном малоизвестном памятнике письменности // Festschrift für Raia Bartens. Helsinki, 1993. – С. 277–281.
15. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 135 с.
16. Кузнецова З.И. Лексические материалы по коми языку в работах Г.Ф. Миллера // Советское финно-угроведение. 1976. № 1. С. 59–62.
17. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... : в 4 ч. Ч. 3. СПб. : Изд-во Акад. наук, 1780. 410 с.
18. Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М. : Наука, 1969. С. 302–351.
19. Российская государственная библиотека, фонд рукописей. Ф. 310. № 59. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48> (дата обращения: 03.08.2021).
20. Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVI–XVII века: Исследования, тексты, комментарии. Л. : Наука, 1968. 156 с.
21. Мжелская О.С. Из названий товаров на Псковском рынке (XVI–XVII вв.) // Историческая лексикология и лексикография : сб. ст. / под ред. О.А. Черепановой. Вып. 8. СПб., 2010. С. 99–117.
22. Волков С.С., Мжелская О.С. Словарь иноязычно-русских и русско-иноязычных разговорников XVI–XVII веков // Проблемы лексикографии : сб. ст. / под ред. А. С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб., 1997. С. 163–182.
23. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

24. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970. 389 с.

25. Забоев А.С. Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. 1978. № 1. С. 103–109.

Сокращения

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** – верхневьчегодский, **вс.** – верхнесольский, **вым.** – вымский, **иж.** – ижемский, **лл.** – лузско-летский, **нв.** – нижневьчегодский, **печ.** – печорский, **скр.** – присыктывкарский, **сс.** – среднесольский, **уд.** – удорский.

Прочие: **букв.** – буквальный, **диал.** – диалектный, **п.** – пункт, **пп.** – пункты, **совр.** – современный коми язык, **ср.** – сравните, **удм.** – удмуртский.

A New Handwritten Dictionary of the Komi-Zyryan Language in the History of Komi Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 21, pp. 87–104. DOI: 10.17223/22274200/21/4

Galina V. Fedyuneva, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: fedyuneva@yandex.ru

Keywords: historical lexicography, written monuments, handwritten dictionary-phrasebook, Komi-Zyryan language, vocabulary.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00200.

The article presents an analysis of the lexical composition of the newly discovered Zyryan-Russian dictionary of the 17th century and clarifies its place in the history of Komi lexicography. The article solves the problems of classification of lexicographic monuments and systematization of approaches to their description, and reveals gaps in research that has not been conducted since the mid-20th century. The currently known lexicographic monuments of the Komi language are limited to the dictionary materials of D.G. Messerschmidt, F.I. Stralenberg, G.F. Miller, P.S. Pallas and I.I. Lepekhin; the materials were collected during their expeditions in the 1720s–1770s. Unlike the church monuments of the Old Komi language of the 14th–17th and 18th centuries, the materials have not yet received a thorough archaeographic description, textual analysis and cultural and historical interpretation. The new Zyryan-Russian dictionary, discovered as part of the manuscript collection of the monk Prokhor Kolomnyatin and accurately dated (1668), is the earliest monument in the history of Komi lexicography today. The dictionary is interesting because it belongs to the period almost undocumented by written evidence and differs from all existing monuments in its dialect basis. The article describes the structure of the dictionary, thoroughly analyzes the lexical composition and presents most of its content, and reveals parallels with the dictionary materials of

other monuments. The Russian-Komi dictionary-phrasebook that I.I. Lepekhin found and published in his *Diary Notes* is considered in more detail. Later V.I. Lytkin reprinted and deciphered the phrasebook, as well as made commentaries on it in his *Old Permic Language* (1952); thus, it became an auxiliary material for the reconstruction of the Old Komi language of the 14th–17th centuries. The dictionary dates back to the 18th century, although it has not been subjected to serious cultural-historical and chronological attribution. The newly discovered monument, unlike Lepekhin's dictionary created by the type of translated old Russian dictionaries-phrasebooks based on the Russian questionnaire, reflects the live Komi-Zyryan language of the second half of the 17th century. It does not contain typical phrases, phrases from dialogues and connected texts that are typical of translated phrasebooks. There is only a certain tendency towards a thematic presentation of the material, although not always consistent. Like the dictionary materials contained in the draft papers of Russian and foreign travellers of the 18th century, the vocabulary of the new dictionary was written by the author of the collection directly from the words of a native speaker (or native speakers) of the Komi language in order to fix it and, apparently, was not intended for communicative use. Unlike the existing dictionary materials, which often contain short lists of Komi numerals, the new dictionary contains a consistent detailed money vocabulary list, from “denga” to “thousand rubles”. Numerical values are given in the Cyrillic numeral system using letters, which is undoubtedly of interest for ethnohistorical research and Russian paleography.

References

1. Savel'eva, N.V. (2019) Unknown Samples of Lexicographical Legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaya literatura – Russian Literature*. 3. pp. 54–63. (In Russian).
2. Savel'eva, N.V. & Kozintsev, M.A. (2020) Tyurksko-russkiy slovarnyy fond v sbornike inoka Prokhora Kolomnyatina 1668 g. [Turkic-Russian vocabulary in the collection of the monk Prokhor Kolomnyatin in 1668]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 67. St. Petersburg: Institute of Russian Literature, RAS (Pushkin House). pp. 468–552.
3. Lytkin, V.I. (1952) *Drevnepermskiy yazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar'* [Old Permic language. Reading of texts. Grammar. Dictionary]. Moscow: USSR AS.
4. Kuznetsova, Z.I. (1967) *Yazyk pis'mennykh komi pamyatnikov XVIII veka* [The language of 18th-century written Komi monuments]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola; Tartu.
5. Morozov, B.N. & Simonov, R.A. (2008) Ob otkrytii tsifrovoy sistemy Stefana Permskogo (XIV v.) [On the discovery of the digital system by Stephen of Perm (14th century)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 3–21.
6. Morozov, B.N. (2013) *Ust'vymskiy knigopisnyy tsentr. Novye pamyatniki drevney komi pis'mennosti kontsa XV – nachala XVI v.* [Ust'-Vymsky Book Writing Center. New monuments of old Komi writing of the late 15th – early 16th centuries]. *Art. Syktyvkar*. 3. pp. 4–16.

7. Kuznetsova, Z.I. (1958) Obzor pamyatnikov pis'mennosti XVIII v. [Review of the 18th-century monuments of writing]. In: *Istoriko-filologicheskiiy sbornik* [Historical and philological collection]. Vol. 4. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 213–241.
8. Turkin, A.I. (ed.) (1985) *Sovremennyy komi yazyk. Leksikologiya* [Modern Komi language. Lexicology]. Moscow: Nauka.
9. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. (1855) Starinnye russkie i permskie nazvaniya mesyatsev [Old Russian and Permian names of months]. 50. Unofficial Part. pp. 411–414.
10. Vitsen, N. (1705) *Noord end Oost Tatarije*. Vol. II. Amsterdam.
11. Lytkin, G.S. (1889) *Zyryanskiy kray pri episkopakh permskikh i zyryanskiy yazyk: Posobie pri izuchenii zyryanami russkogo yazyka* [The Zyryan land under the bishops of Perm and the Zyryan language: A guide for the study of Russian by the Zyryans]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. Sidorov, A.S. & Lytkin, V.I. (1966) Drevnekomi nazvaniya mesyatsev [Old Komi names of months]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 2. pp. 123–129.
13. Lytkin, V.I. (1980) Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti [Ancient monuments of Komi writing]. In: *Istoriya komi literatury* [History of Komi literature]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 10–21.
14. Turkin, A.I. (1993) Ob odnom maloizvestnom pamyatnike pis'mennosti [On one little-known monument of writing]. In: *Festschrift für Raia Bartens*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. pp. 277–281.
15. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Part I. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
16. Kuznetsova, Z.I. (1976) Leksicheskiy materialy po komi yazyku v rabotakh G.F. Millera [Lexical materials on the Komi language in the works of G.F. Miller]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1. pp. 59–62.
17. Lepekhin, I.I. (1780) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva...: v 4 ch.* [Diary notes of the travel of Ivan Lepekhin, a doctor and an associate of the Academy of Sciences, to different provinces of the Russian state: In 4 parts]. Part 3. St. Petersburg: Academy of Sciences.
18. Lytkin, V.I. (1969) Komi-zyryanskiy yazyk [Komi-Zyryan language]. In: *Zakonovernosti razvitiya literaturnykh yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu. Tyurkskie, finno-ugorskie i mongol'skie yazyki* [Development patterns of the literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era. Turkic, Finno-Ugric and Mongolian languages]. Moscow: Nauka. pp. 302–351.
19. Russian State Library, Manuscript Fund. Fund 310. 59. [Online] Available from: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48> (Accessed: 03.08.2021).
20. Alekseev, M.P. (1968) *Slovari inostrannykh yazykov v russkom Azbukovnike XVI–XVII veka: Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Dictionaries of foreign languages in the Russian dictionary of the 16th–17th centuries: Research, texts, comments]. Leningrad: Nauka.
21. Mzhel'skaya, O.S. (2010) Iz nazvaniy tovarov na Pskovskom rynke (XVI–XVII vv.) [From the names of goods in the Pskov market (16th–17th centuries)]. In:

Mzhel'skaya, O.S. (ed.) *Istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Historical lexicology and lexicography]. Vol. 8. St. Petersburg: Philological Faculty, St. Petersburg State University. pp. 99–117.

22. Volkov, S.S. & Mzhel'skaya, O.S. (1997) Slovar' inoyazychno-russkikh i russko-inoyazychnykh razgovornikov XVI-XVII vekov [Dictionary of foreign language-Russian and Russian-foreign language phrasebooks of the 16th–17th centuries]. In: Gerd, A.S. & Sergeev, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Issues of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 163–182.

23. Zhilina, T.I., Sakharova, M.A. & Sorvacheva, V.A. (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [A comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

24. Lytkin, V.I. & Gulyaev, E.S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka.

25. Zaboiev, A.S. (1978) Drevniy "denezhnyy" schet komi [The ancient "money" vocabulary of the Komi]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 103–109.